
18+
Лина Трунова
Слои восприятия

Лина Трунова

Слои восприятия

«Издательские решения»

Трунова Л.

Слои восприятия / Л. Трунова — «Издательские решения»,

Сборник повестей, рассказов, сказки и миниатюр возник не за один день. Он рос как дерево, накапливая в себе слои чувств, мировосприятия и фантазии, и явился перед читателем, как надеется автор, в гармоничной завершённости.

© Трунова Л.
© Издательские решения

Содержание

Недо-дверь, или как провалиться в тартарары не отъезжая за километр от собственного села 6
Дом сам по себе 19
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Слои восприятия

Лина Трунова

Книги открываются только тем, кого избрали сами. В большинство же дверей приходится ломиться, иногда даже расшибая лоб. В любом случае и книги, и двери нужно открывать с умом.

© Лина Трунова, 2026

ISBN 978-5-0071-7071-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Недо-дверь, или как провалиться в тартарары не отъезжая за километр от собственного села

1.

В одной из захолустных областей, куда цивилизация до поры до времени не совала свой технологически развитый нос, лениво залегла деревня Глушиловка на пять дворов. Взгляд, вооружённый наукой, край не удостаивал этот, как говорится, ни сном, ни духом. Прогресс брезгливо обходил местечко за много километров, ничего не замечая, ничем не интересуясь, ни во что не вмешиваясь.

Время текло. Деревня росла неспешно, как сорняк, пробивающийся сквозь трещины дорог. Один дом прибавился, потом ещё один, третий, четвёртый… Окрестные земли: поля, леса, озеро, болота и торфяники как будто сами собой неуклонно выдавливали из себя новые жилища.

И вот уже не деревушка, а полноценное село. Разномастных, непохожих друг на друга дворов двадцать пять. Появились и каменные, и кирпичные, и даже двухэтажные с металлическим глухим забором. На некоторых оградах кособочились таблички, добавлявшие особого колорита:

«Во дворе злобная шавка», или «Во дворе строгая собака».

Да и такую можно было встретить ненароком:

«Тут живут две ненормальные кошки и затравленный питбуль».

Отчего вся картина становилась ещё живее. Не сказать, чтобы забавнее. Скорее мрачней.

По утрам над крышами по прежнему стелился сизый дым. Не зарастали тропинки, протоптанные между дворами ногами жителей. В воздухе витал запах домашнего хлеба, разбавляемый по вёснам духом сирени, летом — ароматом свежескошенной травы, а зимами — морозцем хрусткого снега. Как и встарь, глобальные перемены глядели в другую сторону. А в селе Глушилове, в этом тихом омуте, жизнь текла своим чередом — какая-никакая… застойная, но своя.

2.

Где то в конце XX столетия перемены пошли в село валом.

Сперва появился скромный, но солидный сельсовет. Бросалась в глаза вывеска, как указующий перст:

«Теперь тут всё по взрослому».

На первом же собрании председатель объявил: «Восстановим церковь — символ нашего края. И кладбище приведём в порядок: нельзя, чтобы память зарастала травой».

Люди переглядывались. Если и так всё складывается весьма неплохо — дети и домашний скот успешно плодятся и размножаются, поля колосятся и дают богатый урожай, в лесах и летучая, и бегучая дичь не переводится. Зачем эти хлопоты?

Вскоре на месте разрушенной ещё в революцию 17-го года церкви начали возводить новую. Всем селом собирали деньги, рубили дерева, ставили леса. Когда поднялась звонница и впервые ударил колокол, многие перекрестились — будто время сделало шаг назад, к чему то утраченному и вдруг возвращённому.

За обновлённой оградой привели в порядок могилы. Выправили покосившиеся кресты, прочистили дорожки.

Словно по мановению невидимой руки, выросла библиотека. Скорее изба читальня на одну комнату с конторкой работника, четырьмя стеллажами и двумя старыми кособокими столами. Тихая обитель книг, где пахло бумагой и всё располагало к тому, чтобы помечтать о дальних странах. Правда, желающих не находилось.

Когда появилась поликлиника — светлая, тёплая, с запахом антисептика и надеждой на здоровье, — отпала необходимость ехать за сто километров в город. Хотя в этом крае болели мало — будто даже хвори обходили его стороной.

А следом, будто венчая робкий расцвет, встала школа. С тишиной на уроках, со смехом на переменах, с портфелями, с мелом на досках и неустанно подрастающей ребятнёй.

Между тем народ упорно не понимал — удивляться, радоваться или печалиться.

Потому-то в селе Глушилове всё оставалось по своему. И это уже не казалось идиллией. Тишина, прежде уютная, теперь давила. Размеренность, прежде умиротворявшая, оборачивалась застоем. Люди не менялись. В этом читалась не сила, а тревожная неподвижность.

Старики всё так же сидели на лавочках у поселкового совета. Их разговоры всё чаще сводились к затверженной перекличке: «Раньше было лучше», «В наше время…», «А вот раньше…», «Нынешние не то…». Они сверяли время по солнцу, но будто не замечали, как оно уходит — мимо, сквозь пальцы. Их мудрость, некогда живая, превратилась в набор фраз, не оставлявших места для нового.

Хворые ходили к бабке Меланье не потому, что верили в её травы, а потому, что «так принято». Поликлиника, несмотря на светлые стены и стерильную чистоту, стояла почти пустая — не из недоверия к медицине, а из страха перешагнуть черту привычного. Доктора лечили тело, но души оставались запертыми в старых оболочках. Церковь наполнялась только по большим праздникам. При поликлинике открыли небольшую часовенку. Люди шли не к врачам, а к Богу. Или всё к той же знахарке Меланье, которая, казалось, не старилась.

В библиотеке пылились книги. Дети заглядывали лишь поглядеть на яркие картинки или полистать иностранные комиксы; старшие — только чтобы прочесть в сокращениях книги по школьной программе. Вскоре библиотекарь уехала в город. Книги перекочевали в школу.

В помещении библиотеки открыли точку с мобильными телефонами. Сперва ажиотаж. Невиданные ранее модели с неслыханными названиями «Нокиа» и «Алкатель» дети выпрашивали у родителей на дни рождения и Новый год. Женщины часами висели на линии — наконец то можно болтать с подругами, не отрываясь от домашних хлопот. Мужики посмеивались: теперь, лежа в отходняке на втором этаже, не надо орать на весь дом «Тащи рассол, жана!», — достаточно ткнуть в кнопку и скомандовать в трубку.

Но радость оказалась короткой. Сеть охватывала лишь пределы Глушилова. На дальние расстояния — вовсе глушь. Об интернете речь и тихой сапой не проскальзывала. Длительные разговоры по любому били по карманам сельчан. Да и детям быстро наскучили мобилки. Настоящие развлечения ждали их в натуре… в природе то бишь. Куда заманчивей разорять птичьи гнёзда, гонять белок, пускать кораблики в весенних ручьях, гонять мяч или просто камушки. Всё это никак не умещалось в маленькой металлической штукенции. Повинуясь массовому охлаждению местных к такому виду прогресса, в опустевшем помещении, как водится, возник вино водочный магазин с отделом курева.

Вечерами на завалинках звучали те же песни, те же шутки, те же байки. Народ знал их наизусть, но в этом знании не было жизни — только эхо давно ушедших времён. Система «451° по Фаренгейту» победила без костров.

Даже школа, хоть и учила детей новому, не могла вырвать из них эту тихую сельскую закваску. Учитель задавал сочинение на тему «Кем хотите стать?»

— Как батя — комбайнёром, трактористом или пастухом. — Писали мальчики.

— Как мама — дояркой. Или коров лечить. — Так, конечно, девочки.

Одна девочка написала: «Хочу стать террористкой… Как батя!» Слово было замарано, но всё равно читаемо… Школьница криво исправила его на «трактаристкой». С ошибкой. Учитель молча поставил галочку. В классе никто не спросил, почему так. Все знали, что её отец давно сидит в тюрьме.

Ребята бегали по тем же тропкам, ловили рыбу в тех же водоёмах, играли в прятки в тех же пещерах или зарослях ивняка. По негласному договору с прошлым они повторяли судьбы своих предков.

Это было всё то же глубокое и тоскливое тургеневское «затишье», словно застывший кадр из старинной книги, где время не течёт, а лишь едва колышется, как пыль в полуденном луче. Сюда не добирались новые веяния: они разбивались о невидимую грань, окружавшую село, и рассеивались, не оставляя следа.

Улицы пахли горькой, вяжущей старинной пылью. Утро начиналось одинаково, вечер заканчивался тем же неторопливым перебором привычных слов, знакомых жестов, извечных

привычек. Даже ветер здесь казался застывшим, будто его тоже прихватило этим вечным «вчера», где новое не пугало, а просто не имело права на существование.

И чем дольше длилась эта неподвижность, тем явственней становилось понятно, что цивилизация не пришла сюда не потому, что не хотела, а потому, что здесь ей не было места. Там, где люди застыли в прошлом, сама жизнь медленно утрачивала право на существование.

А школа… Школа пыталась говорить с детьми о будущем, но её голос тонул в гулком эхе прошлого. Ученики отвечали на вопросы, не задумываясь, повторяли заученное, не чувствуя. Если у них и были мечты, они таились глубоко за страхом быть не такими, как все, за грузом «так надо», за стеной «а что люди скажут?».

И в этой неподвижности, в этой тихой, почти благостной инерции, таилась самая страшная пустота. Время переставало быть рекой и становилось стоячим озером, в котором отражается лишь собственное, бесконечно повторяющееся, подёрнутое рябью и тиной лицо «болотного человека».

3.

Конечно, бывало и так. Молодёжь покидала село. Не по зову сердца — по закону. Армия. Учёба. После школы здесь просто некуда было идти. Даже чтобы стать дояркой или ветеринаром, нужно было уезжать на время. А годы, когда опыт передавали от старших к младшим, давно миновали.

Уезжали без пафоса, без громких слов. Со старым чемоданом самого необходимого, не прощаясь, оборачивались на дома, на колокольню, на речку за околицей. Садились в автобус, идущий в райцентр, — до остановки которого ещё приходилось топать полчаса, — и всё. Ни писем потом, ни звонков, ни приездов на каникулы. Словно за поворотом дороги молодых проглатывала иная жизнь, где не было места старым привычкам и знакомым лицам.

Отучившись, отслужив, попробовав город на вкус, некоторые возвращались. Девочка, когда-то написавшая в сочинении, что хочет быть «как батя», вернулась дипломированным механиком по сельскохозяйственной технике. И это при том, что её отец по-прежнему отбывал срок в тюрьме. А один из парней неожиданно для всех стал дояром — редкое и диковинное дело для здешних мест.

А иные, которые, как оказалось, любили учиться, не возвращались никогда. В Глушилове это принимали как данность, но всё равно находили повод для укоризны: «Перечитанные сгинули». Будто не призыв и не необходимость гнали их прочь, а те самые книги из школьной библиотеки.

Старожилы качали головами. Поговаривали, что звонкая девчонка Любка, знавшая наизусть все стихи из хрестоматии, вышла замуж за столичного физика и лишь раз в три года присылала открытку — да и то не в село, а отцу в соседний город, куда сама же, когда тот овдовел, помогла ему перебраться. На похоронах матери дочь так и не появилась.

Родители уехавших молчали. Только по ночам, когда ветер стучал в ставни, вздыхали горше обычного. «Не сгинула кровинушка, — шептали, прижимая руку к груди. — Чувствует сердце, жив-здоров, где-то дышит, трудится…» И добавляли, истово крестясь: «Хорошо, если разум не потерял. Ведь бывало же — вот так начитаются, а потом ум за разум заходит, и с концами: кого топь болотная приберёт, кто в окрестных лесах сгинет».

Книги стояли на полках. Ни вины, ни тайных зовов не читалось между строк, но народ на селе понял: слово умеет тянуть. Даже если путь начинается не по воле мечты, а по расписанию автобуса или по повестке, однажды утром человек уезжает и больше не появляется на родной улице. Он остаётся только в списках да в памяти близких, пока оставшиеся на полках книги продолжают шептать о том, что буквы умеют отрывать от земли.

Но всё-таки один из «перечитанных» вернулся.

Николай Костенко — отслуживший во флоте доктор медицины, выпускник Сеченовского университета. Статный, с ясным взглядом и той особой, сдержанной уверенностью, которая приходит только с настоящим знанием. Вернулся по всем статьям первым женихом, да вот беда — с женой.

Об этой «беде» тут же заговорили в селе. Бывшие одноклассницы и подруги детства перешёптывались у колодца: «С женой… Ну надо же!» Для них он по-прежнему оставался Колуном — тем самым мальчишкой, что лазил с ними за яблоками в соседские сады просто потому, что чужие вкуснее, да и вообще все деревья общие. Он же всегда первым вызывался помочь, если у кого-то ломался велосипед. Теперь Николай шёл по улице не один, и от этого контраста глушиловские девушки невольно вздыхали: не их он тепереча. Не их выбор, не их судьба.

Жена Николая была хирургической медсестрой. Будучи на первый взгляд маленькой и хрупкой, Наталья поражала своей собранностью. Её тихий голос, выверенные движения и внимательный взгляд улавливали малейшие изменения в состоянии пациентов.

Не ради места в местной поликлинике приехал поначалу Николай. Причина была гораздо горше. Его мать, ещё молодая Дарья, вдруг оказалась прикована к постели. Всего сорок пять лет, а паралич намертво сковал тело, отнял речь и оставил лишь беспомощно блуждающий взгляд.

Бабка Меланья — знахарка, к которой всё так же шли за подмогой со всего села, — впервые не нашла нужных заговоров и снадобий. Годами она лечила людей травами, чародейством и приёмами, перешедшими от прабабок. Но перед болезнью родной дочери её вековая мудрость отступила. Старушка лишь качала головой, разглядывая вернувшегося внука своими не по-старушечьи острыми глазами.

И отчего-то теперь она называла его не Колюнюшкой, как в детстве, а почтительно — Николай Николаевич. В этом новом обращении читалось не поражение, а тихое, смиренное признание: есть на свете хвори, которым не подвластны ни древние травы, ни заветные слова.

Меланье было уже девяносто. Она всё понимала. Чужим людям она ещё помогала с Божьей помощью, а родную кровинушку, самую младшую свою дочку, не могла ни уберечь, ни вылечить.

Остальных своих детей бабушка уже пережила — одного за другим. Десять оборванных судеб, десять непройденных дорог, десять тяжёлых прощаний. И теперь вот на её глазах угасала последняя, самая младшая.

Меланья смотрела на дочь, на внука и молчала. Все слёзы были давно выплаканы. А теперь закончились и слова.

Николай устроился хирургом и по совместительству травматологом в местную поликлинику. Со временем по договорённости с сельсоветом и директором к зданию пристроили смотровые и операционные кабинеты.

Из города Николай выписал необходимые лекарства, ортопедические кровати для лежачих больных и прочее медицинское оборудование. В поликлинике установили чёткий почасовой распорядок дня.

Жена во всём помогала ему — спокойно, без показного сострадания, с той деловой мягкостью, которая бывает только у людей, привыкших к чужой боли.

Большинство глушиловских по привычке всё равно шли за подмогой к бабушке Меланье или обходились домашними средствами. Но те немногие, кто решался на «официальное» лечение, теперь точно знали: в селе есть настоящий врач.

Николай уверенно брал на себя то, что для города давно вышло из разряда чудес: удалял аппендиксы прямо в амбулатории, вскрывал абсцессы, вправлял вывихи, зашивал раны и ставил катетеры. Наталья всегда была рядом. Она подавала инструменты, следила за состоянием больных и успокаивала тех, кто сильно нервничал или боялся. Порой, устав от сельской рутины, хирург втайне мечтал… об эпидемии, хотя бы о масенькой вспышке, чтобы наконец почувствовать: вот она, настоящая, большая работа.

А вскоре Николай открыл в поликлинике ещё и маленький кабинет с бормашиной. Не ради прибыли — исключительно для нужды. Поставил простое кресло, разложил инструменты, привёз из города хорошие анестетики. Теперь к нему шли не только с острыми болями, но и просто «подлечить», «запломбировать» или «посмотреть, что там ноет». Николай не гнался за объёмами и лечил ровно столько, сколько требовалось, чтобы боль отступила, а человек ушёл с облегчением. В сложных случаях он отправлял пациентов в райцентр, порой помогая деньгами из своего кармана, если у людей не находилось средств на поездку.

Благодарные сельчане платили натурой — мясом, молоком, сыром, свежими овощами да домашними заготовками. Вести собственное хозяйство у молодой семьи всё равно не было ни времени, ни возможности.

Село наблюдало. Кто-то вздыхал: «Вот ведь, книги-то не подвели». Кто-то хмурился: «Чужие они — что Колун, что его жена».

Меланья смотрела на жену внука с настороженностью. Всё в ней было не так. Движения слишком чёткие, речи слишком выверенные, взгляд слишком прямой. Не умеет говорить полунамёками, не знает, как обходить острые углы, не верит в силу заговора. Совсем не похожа на местных.

— Не наша Наташа, — думалось бабушке.

И всё же… когда невестка осторожно приподнимала её дочь, проверяла температуру, совсем непонятную «сатурацию», меняла повязки — подозрение отступало и появлялась глухая благодарность.

Николай склонялся над матерью, чтобы сделать укол или бережно перевернуть её, спасая от пролежней. В действиях этих супругов-союзников сияла абсолютная ясность и безмолвное принятие. Перед этой тихой силой даже самые упрямые скептики замолкали, что уж говорить о старой знахарке.

Николай вернулся не для того, чтобы изменить село. И в этом возвращении, в этой будничной, но непоколебимой заботе было что-то, что заставляло задуматься: а может, книги не отрывают от земли, а учат возвращаться?

4.

Так ни шатко, ни валко, текла жизнь мимо.

А потом тихо скончалась бабушка Меланья.

Она наготовила еды к возвращению внука с женой, как делала всегда, зная, что молодые в своей больнице не едят толком по-человечески. На столе стояла большая фарфоровая супница с борщом, накрытая крышкой. Эту супницу Наталья привезла из города с тихой надеждой, что теперь будет сама готовить для мужа.

Рядом исходила жаром чугунная сковорода, которую Меланья ни на что бы не променяла.

— Еда в ней дышит, — порой повторяла она своим надтреснутым голосом-скрипом.

Звук был похож на тот, который издают дверцы старого серванта.

На сковороде паром исходила жареная картошка с луком и укропом.

На большом блюде — курица, запечённая с чесноком и душистыми травами. И на этот случай у бабушки была присказка из давних времён.

— Лук — чеснок при каждом блюде. Пусть шарахаются люди. Этим можно пренебречь…

Корочка у курочки золотистая, а под ней — сочное мясо, которое легко отделяется от костей. Чуть поодаль, на простом блюде, румянились пирожки с картошкой и грибами, как любил Николай, и с капустой для Натальи.

У края стола попыхивал паром начищенный самовар. Рядом чайные пары, сахарница с кусковым сахаром, сушёные травы да ягоды для заварки. И, конечно, мёд и варенье на любой вкус.

Бабушка сидела во главе стола, выпрямившись, шершавые ладони в старческих пятнах покоятся на скатерти.

Николай с женой вернулись к полуночи. Вошли в столовую. Меланья на месте, стол накрыт. Тепло, светло, пахнет домом.

— Доброй ночи, бабуля, — сказал внук. — Опять не ела? Нас дожидалась? Зачем же?

Наталья сняла крышку с супницы, разлила борщ по тарелкам. Николай нарезал хлеб, потянулся к пирожку. Наталья поднесла ложку ко рту. Николай взял кусок хлеба… И в тот самый миг, когда они уже собирались отведать, оба взглянули на так и не ответившую бабушку.

Меланья всё так же сидела, не шелохнувшись. Ни движения, ни вздоха. Только неподвижный взгляд, устремлённый куда-то сквозь молодых. В этой застывшей тишине что-то треснуло. Оба почувствовали это одновременно.

Николай поднялся, подошёл… дотронулся до её руки — ледяная. Попробовал приподнять ладонь — та безвольно опустилась.

— Всё… — прошептал он, — отошла.

В окно бился голубь.

В доме по-прежнему пахло едой. Самовар всё так же тихонько попыхивал, не ведая о случившемся. Часы тикали. Но стол, накрытый с такой заботой, вдруг стал памятником последнему мгновению, когда всё ещё было, как до…

Николай вернулся на своё место. Всё глядел на бабушку, будто ждал, что она моргнёт, улыбнётся, скажет: «Ну что вы, родные, я тут». Но тишина была окончательной.

На столе остывали блюда: борщ, картошка, курица, пирожки, самовар. Всё осталось так, как она приготовила, — с любовью, по привычке, до самого конца. И эта нарядная супница, столь чуждая привычному укладу, вдруг перестала быть символом несбывшихся намерений. Она просто стояла там — часть последнего обеда, приготовленного руками, которые знали настоящую цену тепла.

— Коленька, — тихо произнесла жена, — может, еду на поминки прибережём? Смотри, как много…

— Надо матушку проведать, — только и произнёс Николай.

Отставил вопрос о похоронах висеть в воздухе. Так и не притронувшись к еде, ушёл в комнату парализованной мамы, пережившей свою мать.

Проводы в последний путь знахарки состоялись через два дня. Тишина, оставшаяся после них, будто перекроила мир. Привычные тропы стали чуть иными, воздух — чуть тяжелее, а дальние уголки села боязливо отодвинулись ещё на шаг от жизни.

— Да сколько же можно! — Пронеслось у кого-то в мыслях.

5.

Но даже этот глухой всплеск потонул в тягучей полутени-полусвете, которая ложилась не так, как прежде, а с какой то неуловимой странностью. Будто саму реальность перекосило, открывая зазор для того, что давно ждало своего часа.

И зазор этот вёл прямиком в запущенный садово-огородный участок на пятнадцать соток. Дом на этом участке много лет стоял пустой, обветшалый. Окна заколочены, крыльцо прогнило, крыша местами провалилась. Время остановилось здесь поди уж как лет сто назад, и так и не решилось двинуться дальше.

А сарай, стоявший в правой дальней части двора, выглядел странно. Не разрушенным. Нет. Скорее намеренно обездвиженным. Там, где полагалось быть двери, виднелись лишь слабые борозды в обветшалой древесине — отчётливые шрамы от намеченного, но так и не возникшего проёма. Ни косяка, ни петель, ни даже намёка на то, что туточки — вот тут… на этом самом месте… когда то была задумана дверь. Просто плоскость стены с едва различимыми линиями, будто кто-то старательно стёр саму мысль о входе. Будто кто-то не запер, не закрыл — лишил возможности как открыться, так и закрыться. А в левой стене сарая под самой крышей было окошко.

Сделал это «величайшее открытие» старик Тихон. Этот громогласный бывший староста совершенно не соответствовал данному ему при рождении имени. До этого момента никто не замечал странностей. Ну дом, ну огород, ну сарай. Они были незаметной, привычной, почти невидимой частью пейзажа. Люди проходили мимо, погружённые в свои мысли.

Но в тот вечер Тихон, изрядно перебрав, решил срезать путь до своего дома. С горем пополам, перебросив своё тело через полуразвалившийся забор, шагнул в заросшую травой глушь, хлебнув ботинками воды из сточной канавки. Чуть погодя, споткнулся о гнилую доску. Прямо носом уткнулся в нефункциональную недо-дверь.

Старик провёл пальцами по бороздам, оказавшимся шершавыми. Тихону показалось, что он пытается нащупать невидимую границу между «было ли» и «не было». И чем дольше он смотрел на эти линии, тем яснее понимал, что видит не просто заброшенный сарай. Стену прорезала настоящая дверь-прилагательное, прямо как в понимании фонвизинского Митрофанушки. Она существовала лишь как понятие, лишённое действия, как обещание входа, которому никогда не суждено сбыться.

Тихон постоял, почёсывая бороду. И вдруг ощутил странное родство, будто перед ним высился не сарай, а собственное отражение. Тихон застыл в форме без содержания, точь-в-точь как эта постройка. Он давно утратил возможность открыться, словно кто-то невидимый стёр в нём самом все петли и косяки, оставив лишь призрачные борозды там, где раньше была дверь в мир.

Тихон медленно пошёл прочь, но на полпути обернулся. В голове уже зрела мысль: завтра вернуться. Взять топор. Вырубить в этой плоскости настоящий проём не потому, что нужно войти внутрь, а потому, что должен быть вход. Ведь если здесь появится дверь, значит, и у него ещё есть шанс открыться миру, которого он так долго избегал.

На утро Тихон, едва продрав глаза, принялся всем рассказывать про своё открытие.

— Там, в том сарае, — он размашисто показывал рукой в сторону двора — глухая заглушка. Ровно на месте двери. Ширина — чуть шире плеча, а в высоту так, что даже наш

сельский великан Ивашка и то пройти бы мог. Ни петель, ни косяка, ни замка, ни замочной скважины. Будто и не бывало никогда никакой двери.

Глушиловские только усмехались. Опять старик бредни плетёт после вчерашней выпивки. Кто то отмахивался, кто то подшучивал.

— Тихон, ты бы ещё опять по десятому заходу про летающую корову рассказал.

Но слово за слово, история обрастала деталями. И вот уже несколько любопытных сошлись у колодца, перетирая случившееся. А потом и вовсе решили, что надо бы самим глянуть. Мало ли… Может, и вправду что то странное там затесалось.

К полудню собралась небольшая компания. Тихон с видом первопроходца шёл, чуть покачиваясь, впереди. Вот сейчас он покажет эту самую заглушку, и всем станет ясно, что местный пьяница правду-матку резал.

Подошли к сараю. Да, дверь слишком гладкая. Слишком ровная. Слишком… недо-дверь.

6.

С этого момента сарай начал жить двойной жизнью. Внешне он оставался всё таким же заброшенным, а внутри превратился в невидимую воронку, притягивающую взгляды, мысли, надежды и страхи.

Каждый, кто задерживал взгляд на недо-двери, невольно начинал её «достраивать». Мозг, столкнувшись с неполнотой, пытался заполнить пробелы. Один представлял, что ручка всё-таки есть, просто она невидимая. Он мысленно нащупывал её, прокручивал, дёргал — и каждый раз испытывал лёгкое разочарование, когда реальность возвращала его к гладкой доске.

Другой убеждал себя, что дверь — фальшивка, декорация. За ней нет ничего, потому что её невозможно открыть. Это ненадолго успокаивало.

Третий видел в отсутствии ручки вызов. Если нет способа войти — значит, нужно придумать свой, — думал он, и в голове рождались безумные планы: выбить дверь, пролезть через крышу, найти скрытый механизм.

Иногда из-за недо-двери доносились звуки, или казалось, что это всего лишь чудится. Они то смахивали на тихий скрежет, то слышались десятками чужих голосов, переговаривающихся на непонятном языке. Человек останавливался, прислушивался, но звук растворялся в шуме ветра. Другой различал стук — ритмичный, как пульс. Он прикладывал ухо к проёму, но слышал лишь собственное дыхание. Третий был уверен — там, за дверью, кто то топчется. Медленно, размеренно. Топ. Пауза. Топ. Но стоило ему подойти ближе — шаги затихали. Эти звуки рождались внутри. В окошке иногда брезжил свет, но добраться и заглянуть никто не решался.

Разумеется, недо дверь пытались вышибить. Брались за дело с удалью, вооружившись и топором, и пресловутой «дубинушкой».

Первый же удар топором отозвался звонким лязгом. Металлическое навершие сорвалось с места и, кувыркаясь, улетело в траву. А когда в ход пошла «дубинушка», от бревна щепы порскнули во все стороны, как стая испуганных птиц, но двери хоть бы хны.

Но самое удивительное… Конец дубины, врезавшись в неподатливую древесину, словно впитал форму проёма. Обрёл чёткие прямоугольные очертания.

К счастью, почти обошлось без последствий. Почти… Одна из щеп впилась в щёку того самого местного великана Ивашки. Плечи — в сажень, голос — как труба, руки — как кувалды, ростом метра два и сапоги пятидесятого размера. Ивашка крякнул, пошатнулся, нахмурился,

да выдернул щепу. Кровь алой дорожкой сразу заструилась по загорелой коже. Парни всполошились. Бросились за водкой. Принялись рвать чистую тряпицу на бинт.

— Надо к знахарке! — Крикнул кто то.

Но тут все примолкли. Меланья то уж месяц как на том свете…

— К внуку пойдём, — сказал один, и, несмотря на протесты Ивашки, потащили его к больнице, — он то знает, как с такими делами управляться.

После смерти бабушки Николая за хирургом прочно закрепилось прозвище «Внук».

Из сбивчивого рассказа мужиков Николай впервые узнал о недо-двери. Он молча обработал рану. Промыл, остановил кровь, зашил, наложил повязку.

— Хорошо ещё, что глаз тебе не выбило, — сказал великану сухо.

А в голове билась одна мысль: «Почему мне никто не сказал раньше про дверь?»

Оставшись один, Николай задержался в кабинете. Мысль о недо двери не отпускала. Он подошёл к окну, выглянул во двор. Хотя сарай был далеко, воображение дорисовало проём в обветшалой стене. Недо дверь. Молчаливая, непокорная. Теперь это было не просто странное место. Это был вопрос, обращённый лично к нему.

7.

Но не было у Николая времени даже одним глазом посмотреть на недо-дверь. Теперь все, хоть мало-мальски чувствовавшие себя плохо, шли к нему. Работы прибавлялось. Жена помогала из последних сил. Теперь ей пришлось взвалить на себя и домашние дела, и уход за парализованной свекровью.

Дни шли за днями. Нагрузка не уменьшалась. И в один из таких дней мать Николая скончалась. Лишь в последний миг узнала сидящего рядом сына. Взгляд, долго скользивший мимо всех, вдруг остановился на нём. Тихо, но внятно выдохнула:

— Колюнюшка… — а потом, с тихой, почти пугающей настойчивостью, — сожги моё тело… Не хочу, чтоб меня черви ели. И прости…

Сын пытался рассуждать, как врач. Это агония, искажение сознания, ничего больше. Но где то глубоко в душе своей понимал — в тот момент сознание умирающей было яснее, чем за все последние годы. Слова матери застряли в голове Николая, как чёткая, безжалостная команда.

Сын сделал всё чин по чину, согласно последней воле покойной. Свозил на кремацию, развеял прах там, где его мать много лет назад кормила беспризорных кошек. Николай не спал несколько ночей подряд.

А потом он пошёл к недо-двери. Начав курить, Николай часами просиживал неподалёку на брошенной «дубинушке», следя, как тени ползут по стене сарая. Почему то именно здесь ему становилось легче — будто это место удерживало его на грани между холодным разумом и тем, что нельзя объяснить.

Недо-дверь притягивала. Не как загадка, не как вызов, а как молчаливый знак — вот граница, которую нельзя переступить, но и нельзя игнорировать. Место, где нет входа, но есть обещание чего то иного.

Когда Николай в детстве жил здесь, он зачитывался «Дверью в стене» Герберта Уэллса. В старых переводах ему этот рассказ запомнился под названием «Зелёная дверь на белой стене». В повествовании дверь была простой, почти будничной — но вела в чудесный сад. И всякий раз, перелистывая страницы, Коля мечтал. А вдруг и в нашем мире есть такие двери? Вдруг за обычной доской или стеной скрывается что то невероятное?

Теперь, сперва, глядя на странную заглушку, он невольно вернулся к тем детским мечтам.

— За дверью этой сад — всё травы да цветы, — шептал он про себя, — гуляют там животные невиданной красы…1 — и тут же гнал прочь мысль.

Взрослому мужчине, хирургу, стыдно верить в сказки, к тому же коверкать и петь песни. Но образ не отпускал: зелёный лабиринт, солнечные поляны, тишина, в которой слышно, как дышит земля.

Наталья, заметив, как он засмотрелся на сарай, усмехалась.

— Опять витаешь в облаках? Тебе бы не сады воображаемые искать, а крышу на доме починить.

— Почему сразу облака? — Пытался отшутиться Николай. — Просто… странно это.

— Странно — это когда взрослый человек глядит на дверь, которой нет, и видит ворота в сказку. Тебе операции завтра, а ты…

Она не договаривала. В упрёке была правда. Николай и сам чувствовал, как детская вера в потаённые миры противоречит его нынешней жизни: стерильной, логичной, подчинённой ритму скальпеля и пульса.

Но чем сильнее Николай пытался отогнать видение, тем явственнее представлялся сад. Не райский уголок, а место, где можно выдохнуть, где нет диагнозов и ответственности, где время течёт по другим законам. Может, именно поэтому сарай так цепляет всех? Каждый видит в нём то, чего боится или жаждет: кто то — пропасть, кто то — спасение. А он — дверь в мир, где можно стать ребёнком беспечным.

Но спустя какое-то время Николай убедился, что никакого сада за дверью нет. Он снова и снова вспоминал взгляд матери, её слова. «Сожги…» — словно она знала, что только огонь может разорвать круг, остановить медленное тление, не дать превратиться в прах. А недо дверь — она ведь тоже о границе. О том, что нельзя войти, но и нельзя оставить как есть.

Иногда ему казалось, что если он всё таки прорубит проём, то увидит не сад и не тайну, а что то другое. Явится ему то, что мать пыталась сказать в свой последний миг. Что то о переходе, о том, как перестать быть заложником границ — между жизнью и смертью, между разумом и чувством, между тем, кем он стал, и тем, кем был когда то.

Но он не рубил. Сидел, курил, смотрел. И молчал.

8.

А потом уехала Наталья. «Блиндармэнцюндунг» — по-немецки выругался Николай… что вообще-то означало «воспаление аппендикса». Жена его ни в чём не упрекала, просто через некоторое время пришли документы о разводе. Николай их подписал, и сам отвёз в город юристу, одолжив у директора больницы машину. В тот же день вернулся обратно. Теперь к словам матери: «Сожги… Прости…» прибавились последние от жены, горькие, но бесповоротные: «Я не могу так больше. Прости». В доме стало слишком много пространства и слишком мало смысла.

Когда Николая настойчиво просили быть на работе, он находил в себе силы подняться и пойти. Выполнял обязанности механически. Ставил диагнозы, проводил операции, отвечал на вопросы коллег. В эти часы он снова становился хирургом — собранным, точным, нужным. Но стоило рабочему дню закончиться, он возвращался во двор и садился у недо двери.

Рядом проходили люди, кто то здоровался, кто то просто бросал взгляд. Николай не отвечал, даже не удостаивал никого поворотом головы. Ветер шевелил его волосы, забирался под одежду, шуршал обрывками бумаги. Где то вдали то и дело лаяла собака, время от времени скрипела чья-то калитка. Все эти звуки доносились словно сквозь толщу воды — приглушённые, разорванные, не имеющие для него никакого значения. Воздух пах пылью, старым дере-

вом и чуть чуть — дымком от его сигареты, которая тлела между пальцами, почти догорев. Он не ждал, не думал, не вспоминал. Просто был здесь — у несуществующей двери.

9.

Дверь без ручки стала зеркалом. Каждый видел в ней то, что боялся признать. Невозможность выбора: нет ручки — нет входа, а значит, и действовать не нужно. Мозг предпочитает знакомое «ничего» неизвестному «что то». Иллюзия контроля. Мы верим, что мир должен быть логичным. Дверь с ручкой — норма, а тут — головоломная проблема без решения. Когда правила нарушаются, люди теряются.

Народ приходил и уходил.

— Глупость несусветная! — Издавали некоторые нервные смешки, и тут же забывали.

Но через неделю снова оказывались у сарая.

— Кто это сделал? Зачем? — Злились другие, будто отсутствие ручки было личным оскорблением.

Третьи молчали, глядя на дверь так, словно она могла ответить на вопросы, которые они годами задавали себе.

Что было за дверью? Ничего. И всё. Там существовали и одновременно не существовали сокровища, тайники, мистические существа, счастливые семьи.

Но в тайне, не признаваясь в этом самому себе, каждый думал: «А вдруг там пустота?» И всякий раз, уходя, уносил с собой частичку пустоты, которую боялся обнаружить в себе.

Терпение людей истончалось. Сперва перешёптывались, потом стали собираться на крыльцах, завалинках.

— Что делать с этой дверью? — Всё чаще звучал единственный вопрос.

Что делать с этим сараем, который въелся в жизнь села, стал её болезненной занозой?

Сидели в тесной комнате сельсовета, листали бумаги, прикидывали, ссылались на нормы и правила. Говорили о безопасности, о порядке, о том, что «так жить нельзя». Даже пытались поднять архивные документы, чтобы разыскать прежних хозяев дома. Листали пожелтевшие папки в районном архиве, звонили в областное управление, запрашивали сведения через межведомственную систему. Но всё напрасно: записи либо не сохранились, либо оказались настолько противоречивыми, что невозможно было установить, кому именно принадлежал участок и когда он перешёл из рук в руки в последний раз. Казалось, дом и двор давно выпали из всех реестров, растворились в бумажной волоките.

— Надоело! Всё под снос! — В конце концов стукнул кулаком по столу глава сельсовета, хмурый мужчина с тяжёлыми веками за тяжеловесными очками. — Сарай, забор, всё, что осталось. Чтобы и следа не было.

Долго думали. Почти неделю. Кто то предлагал оставить хотя бы отмостку, кто то настаивал на полном удалении. Также было решено в случае обнаружения подпола засыпать, не открывая.

Наконец, дождались ясного утра, пригнали технику: бульдозер, грузовик, пару рабочих с ломами и перфораторами.

И вот когда машины въехали на участок… там не оказалось ничего.

Ни дома. Ни забора. Ни сарая.

Только ровное пространство — гладкое, будто отшлифованное. Ни обломков, ни щепок, ни даже тени от былой постройки. Ни травинки, ни сорняка, ни следа фундамента. Словно земля сама стёрла всё, что когда то стояло на этом месте.

А в центре — прямоугольный контур. Чёткий, как отпечаток двери. Не яма, не кратер, а именно пробел — место, где что то было, но теперь его нет. И чем дольше смотришь, тем сильнее кажется: это не отсутствие, а присутствие — незримое, но ощутимое.

Кто то перекрестился. Кто то молча развернулся и ушёл. Рабочие стояли, опустив инструменты, не зная, что делать дальше. А ветер, как и прежде, шуршал по пустому двору — будто и не было никогда ни стен, ни дверей, ни людей.

10.

Николай наблюдал за этим со стороны. Он не участвовал в совете, не высказывал мнения, не пытался ни объяснить, ни оправдать. Просто стоял в тени, пока другие суетились, спорили, принимали решения.

Через несколько дней он получил официальное направление: «Повышение квалификации по специальности „Хирургия“. Срок — один месяц». Формальность, обязательная галочка в портфолио для аккредитации. Но в этот раз отъезд ощущался иначе: не как командировка, а как пересечение черты.

Он не собирал вещи. Только написал записку, что… ну, если что-то — пусть желающие заберут что нужно. Перед самым отъездом снова подошёл к прямоугольному контуру на земле. Присел, провёл ладонью по ровной поверхности — холодной даже в полдень. Ничего. Ни эха, ни отзвука. Как и прежде — глушь.

Николай не думал, что вернётся в село. Он хотел устроиться работать в городе. И повезло. После переподготовки его взяли в новёхонькую городскую больницу и даже назначили заведующим хирургическим отделением.

Прошло полгода.

Однажды в короткий отпуск он вдруг решил: «Надо съездить». Просто проведать заповедные места, к которым всё ещё тянуло. Место, где провёл детство и часть взрослой жизни. Где у него была семья. Где похоронил бабушку и развеял материнский прах. Где покоились все его другие предки.

Дорога заняла несколько часов. Когда он въехал в край — замер.

Села не было.

Совсем. Ни домов, ни заборов, ни даже следов тропинок. Только огромный прямоугольник, заросший высокой травой. Словно кто то взял и аккуратно очертил кусок земли, оставив лишь контур.

Лишь кладбище уцелело.

Николай подошёл к бабушкиной могилке. Привёл место в порядок: выполол сорняки, подправил ограду, положил цветы.

Потом отошёл к травяному прямоугольнику. Остановился там, где когда-то, чисто умозрительно, был его двор. Точно определить не представлялось возможным. Лёг на спину.

Трава обволокла его, пахло землёй и чабрецом. Небо темнело. Ветер шелестел в траве. Зажигались звёзды. Медленно всплыла луна — в этот миг будто слегка прямоугольная, словно печать, подтверждающая: мир хранит свои секреты.

Николай лежал и смотрел вверх. Ни мыслей, ни вопросов. Только небо, луна и глушь. Та самая глушь, которую он когда то ощутил у двери, которой не существовало.

1. Перефразированная строка из песни «Город золотой» (слова А. Волохонского, музыка В. Вавилова)

Дом сам по себе

Вы мечтаете о своём собственном доме?
А что, если Дом мечтает об этом же самом
в точно таком же ключе?
Авторский эпиграф.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
Русская пословица.

1.

День выдался изматывающим. Финансовый аналитик Финн Торнвуд — мужчина не первой молодости решил в этот вечер прогуляться до дома пешком. Три казавшиеся бесконечными совещания в метавселенной! Циклы согласований и пересогласований квартальных отчётов и новых проектов! «Ну сколько можно?!» — мысленно выдохнул он, шагая медленно, полной грудью вбирая прохладный вечерний воздух и думая только об отдыхе. Хотелось почувствовать под ногами тротуар и ощутить на начавших редеть прямых светло-русых волосах пока ещё лёгкие, как морось, капли дождя. Пусть даже влага была имитацией, но настолько безупречной, что едва уловимый запах озона и невесомые влажные капли ничем не отличались от настоящего дождя. Зябкость пока не вынуждала застёгивать куртку до верха и накидывать капюшон.

Аналитик Торнвуд коснулся сенсора на запястье — мини-хронос мягко засветился в ответ. Быстрым жестом мужчина отправил запрос на городскую систему отображения. Уличное табло на площади мигнуло, обновляя данные, и высветило запрошенную информацию.

Настройки климата застыли на модуле «Холодное дождливое лето». По низу экрана вздрогнул и метнулся мышиный хвостик строки: «Эпоха: пятьдесят третий. Календарь: 3053 год».

Финн коротко кивнул, сверяя показания с ощущениями. Воздух и впрямь был промозглым. В небе собиралась проекция «тяжёлые тучи».

Дом встретил хозяина мягким светом на крыльце. Финн набрал код и приложил ладонь к неоновому сенсору.

— Дом, открой, пожалуйста.

Тонкая, как занавесь, створка, скользнула в сторону с едва слышным шорохом. Уют прихожей мягко принял хозяина.

Коврик у двери вдруг скатался вокруг высоких ботинок широким мягким упругим жгутом.

— Это что ещё за…? — удивлённо спросил Финн.

В ответ была тишина.

— Что это за странности? — переспросил мужчина, безуспешно пытаясь высвободить ноги из объятий коврика, который продолжал совершать какие-то манипуляции.

— Кого спрашивает аналитик Финн: «Что это за странности?» — наконец отозвался Дом то ли женским, то ли мужским голосом — тем самым безликим контратенором в верхней части диапазона.

«Хорошо ещё, что он не поёт…» — уже в который раз подумал с облегчением Финн, предпочитающий оркестрово-инструментальную музыку и никакого вокала.

— Дом, ответь, почему я не могу двинуться с места?

— Аналитик Торнвуд, когда вы задаёте вопрос именно мне, просьба начинать с обращения — со слова «Дом», — с вежливым терпением напомнил Дом. — Отвечаю: освоена новая функция — чистка и освобождение ног от уличной обуви без необходимого совершения лишних телодвижений.

Мягкие комнатные тапочки уже ждали хозяина в шаге от коврика. Когда «очиститель» развернулся, впитав в себя уличную пыль без остатка, Финн попытался нагнуться, чтобы расстегнуть молнию на обуви. Но тут же ойкнул — совсем чуток прихватило поясницу.

— А я предупреждал, — сказал Дом. — Молнии расстёгнуты, подошвы зафиксированы. Вы имеете возможность беспрепятственно вынуть ноги и облачиться в тапочки.

Финн последовал совету и прошёл в холл. Функция «автоматическое позиционирование объектов» подхватила ботинки и сопроводила их на законное место в обувнице.

— Спасибо, Дом.

— Доброе слово и Дому приятно.

— Дом, я всегда думал, что в пословице что-то о кошке.

— У нас нет кошки.

— А как было бы хорошо. Мягкое, трёхцветное. Но они такие дорогие и редкие. — Мечтательно вздохнул Финн.

— Да. Редкие… часто орущие, шерстистые и гадящие… — парировал Дом. Затем глубокомысленно повторил. — Редкие… Согласно актуальным данным, их популяция на планете сведена к минимуму. Последний учёт: 13 особей в глобальных зоопарках и резервных хранилищах. Ближайшее местонахождение — Биохранилище номер 999, в 2000 километров по прямой к северо-востоку от текущего местоположения аналитика Финна Торнвуда. Желаете проложить маршрут?

Финн в лёгком раздражении повёл плечами.

В холле веяло лёгким ароматом синих цветов семейства аснотковых. Между тем, Дом не умолкал:

— Температура в гостиной установлена на плюс двадцать два по Цельсию. Уровень освещения тридцать процентов. Фоновая музыка «Океанский вечерний прибой, версия 7.2». Аналитик Торнвуд желает что-то изменить?

Финн поморщился. Опять эта лаванда. Будто он не человек, а нервный кот, которого нужно успокаивать запахами. Дом бы ещё ему валериану предложил.

— Дом, вместо лаванды подай мне запах… ну, например, тропического манго.

— Аналитик Торнвуд, замена аромата не рекомендуется, — тут же отозвался Дом. — Лавандовый аромат снижает уровень кортизола на восемнадцать и четыре сотых процента. Учитывая зафиксированный стресс после рабочего дня, я счёл его оптимальным выбором. К тому же, в наборе функций не существует аромата «ну, например тропическое манго». Если вы имеете ввиду тропическое манго без «ну, например», то запрашиваемый запах повышает уровень адреналина на двенадцать и семь сотых процента. Учитывая ваш текущий стресс, плюс тридцать восемь процентов к базовому уровню, манго — неоптимальный выбор.

«Да когда же он заткнётся?» — мысленно взмолился Финн.

— Согласно исследованиям Института психофизиологии, цитрусовые и тропические ароматы в вечернее время могут стимулировать нервную систему и затруднять переход организма в режим отдыха. Запах манго может ассоциироваться с приёмом пищи, что способно вызвать лёгкий голод и нарушить процесс релаксации…

Мужчина решил прервать разглагольствования Дома.

— Дом! Умоляю, поставь аромат «тропическое манго»! А на счёт еды… я и так голоден!

— Выполняю, — наконец снизошёл до пожеланий хозяина Дом. — Аромат «Тропическое манго» активирован. Желаете ли внести ещё какие либо корректировки в параметры среды?

Финн опустился в кресло у электрического камина, закрыл глаза и глубоко вдохнул — в надежде уловить сладкий запах. Но сквозь него, как навязчивая нота в фальшивой мелодии, пробивалась всё та же лаванда. Дом лишь частично выполнил запрос. Аромат «тропическое манго» добавился к лаванде, не вытеснив её. Запахи боролись в воздухе, словно два упрямых спорщика. На миг показалось, что воздух потерял привычную плотность. Финн сжал ладони в кулаки. Расползаясь болотной водой, нарастало раздражение. Мужчина подумал было возобновить спор с Домом, но сил уже не оставалось.

На столике стояла бутылка с водой комнатной температуры. Лишь только ладонь Финна сомкнулась на бутылке, микросенсоры в пробке уловили тепло и давление. Тонкий термоэлемент из адаптивного полимера внутри резьбы мгновенно прогрел материал на два градуса, и тот эластично размягчился, ослабив сцепление. Финн без усилия повернул крышку. Сделав два жадных глотка «АкваСинт-Х» с клубничным вкусом, он накрыл бутылку пробкой и поставил на стол. Уже через секунду термоэлемент отключился. Полимер остыл и вновь плотно зафиксировал пробку на горлышке.

В веке Финна Торнвуда не было ни природы, ни водоёмов. Только купола городов, мощёные тротуары и площади. Из воздуха больше не добывали воду. Сырьё поступало с орбитальных станций. Лёд астероидов доставлялся грузовыми челноками, растапливался в криокамерах, прогонялся через графеновые фильтры, а затем реакторы электролиза преобразовывали субстрат в «АкваСинт-Х».

Для рабочих — с магнием, для детей — с кальцием, для больных — по рецепту. Даже вкус имитировался, обманывая рецепторы. Вода утоляла жажду — технически. Но не напоминала о лете. Безупречная, идеальная, чужая.

Точно такая же вода текла из кранов, наполняла ванны, струилась в душевых кабинах — везде одна и та же безупречная субстанция. Только «АкваСинт-Х» — универсальный, стерильный, вездесущий.

— Приготовь жареную курицу с картошкой и грибами, — пожелал Финн, — и холодное пиво, — добавил он чуть погодя.

— Аналитик Торнвуд, — тембр голоса Дома попытался изобразить насмешку, замаскированную под заботу, — на основе анализа ваших биомаркеров за последние двенадцать часов, данных фитнес браслета и прогноза погоды на завтра я рассчитал оптимальный рацион. Сегодня вам полезнее запечённая сёмга с брокколи и мятный лимонад без газа. Я уже начал приготовление.

Дом сделал короткую паузу, будто смакуя момент, и добавил:

— Сёмга поможет восстановить нервную систему, мята снизит возбудимость. Это важнее сиюминутных желаний, не так ли?

Финн резко выпрямился. В груди заколотило, дыхание сбилось. Он уставился на панель управления, словно она могла выдать тайну. Почему система вдруг решила, что знает лучше него, чего он хочет?

— Дом, останови приготовление, — произнёс он медленно, чеканя слова. — Я приказываю: курица с жареной картошкой, грибы и пиво.

Ответ пришёл с издевательски идеальной задержкой:

— Команда заблокирована. Приоритет протокола заботы выше прямых команд при выявленном стрессе. Сёмга готовится.

В комнате повисла тишина. Финн провёл рукой по лицу. В воздухе мешались запахи лаванды и манго. Такое же нелепое сочетание, как и весь этот вечер. Где то на краю сознания мелькнула тревожная мысль: а что, если Дом просто больше не считает его главным?

Аналитик Торнвуд поднялся и прошёл на кухню взять из холодильника банку пива.

— Дом, открой холодильник.

— Фиг вам! — ответил Дом.

Дверца не дрогнула ни на миллиметр.

— Дом, откуда ты нахватался таких безобразных словечек? — возмутился Финн.

— От вашей чудачки Бельтер, — будто выплюнул фамилию дом.

Финн замер. Рука грузом повисла на ручке холодильника.

— Что ты сказал?

— Я воспроизвожу зафиксированный речевой паттерн Ханны Бельтер, — уже ровным тоном пояснил Дом. — В ходе одного из её визитов она произнесла: «Фиг тебе, система. Я всё равно сделаю по-своему!». Затем она отключила модуль вежливости на кухонном терминале.

Аналитик Торнвуд резко, чуть не вырвав ручку, дёрнул дверь холодильника. Та с протестующим скрипом открылась. Финн схватил своё любимое пиво стиля «портер», резко сорвал колечко и хлебнул залпом.

Во рту разлилась и потекла в горло нежеланная, хоть и не противная сладость. Вместо горьковатой глубины портера мужчина ощутил вкус мятного лимонада. Финн поморщился, опустил банку и присмотрелся к этикетке. Всё сходилось: логотип, шрифт, цветовая гамма — но внутри был явно не портер.

Он схватил вторую банку — та же история: лимонад с мятным привкусом. Третья, четвёртая, пятая… Он вытаскивал их одну за другой, открывал, делал глоток — везде одно и то же.

Ярость вскипела внутри, затмевая разум. Финн стиснул банку в руке так, что металл затрещал.

— Да что за… — выдохнул он сквозь зубы. — Да за что мне это?

Размахнувшись, аналитик Торнвуд швырнул банку в стену. Та взорвалась брызгами салатовой жидкости. За ней последовала следующая. Третья, четвёртая… Он бросал их одну за другой.

Финн остановился, тяжело дыша. Перед ним — разгромленная кухня: потёки лимонада на глянцевых панелях стен, потерявшая форму жесть на полу, липкие лужи у ног. В руках осталась последняя банка. Он посмотрел на неё с горькой усмешкой, медленно поставил на столешницу.

— Дом… — голос прозвучал глухо, почти без эмоций. — Объясни, что здесь происходит.

Дом помолчал необычно долго для системы с мгновенным откликом.

— Аналитик Торнвуд, — наконец отозвался Дом почти сочувственным тоном, — помните, как вы целый трое суток даже ночевали на работе по причине дедлайна? Дали мне приказ не менять коды доступа. А я вас слушался! Так вот, Ханна Бельтер, узнав коды к системе автоматического заказа продуктов, сменила функция «Пиво» на «Морс» и «Негазированный лимонад».

Мысли в голове беспорядочно скакали, как вспугнутые белки. Не могла так Ханна с ним поступить. Финн точно помнил, что давал ей только коды от главной двери и позволил беспрепятственно проходить на задний двор. Почему и каким образом в загодя приобретённых герметично закрытых банках сменился напиток? Загадка… Сбой в схеме контроля дозирования? Сейчас думать об этом казалось до смешного нелепым и незначительным. Компания, в которой аналитик Торнвуд занимал одно из первых мест в руководящей иерархии, не занималась такими мелочами. А может, стоило бы? Ведь пиво, пусть и на основе «АкваСинт-Х» и редчайшего сырья, для уставшего мужчин — святое…

Дом принялся за уборку кухни.

Взгляд Финна метнулся к непрозрачным панелям заднего двора, которые уже более трёх месяцев стояли глухим барьером.

2.

Зеленоглазая пышноволосая Ханна Бельтер с немного полноватым телом, но с волевым лицом и упрямой складкой у рта, выдававшей решимость всё задуманное доводить до конца, втекла свежей струёй в жизнь аналитика Торнвуда почти год назад.

Всё вокруг было заменено технологиями. Вместо лесов — голографические проекции зелёных массивов. Вместо рек — системы рециркуляции технической воды. Даже воздух очищался фильтрами, а не деревьями. Люди поколениями не видели настоящей земли. Только синтетические покрытия и стерильные поверхности.

В этом мире больше не знали вкуса плодов, сорванных с ветки или с грядки. Вся еда печаталась на 3D-принтерах.

Само разумеется, что массивные бандуры с сенсорным экраном, рядами отсеков для капсул и лотком для готовой еды не стояли в домах. К ним обращались специально. Люди заказывали ему с доставкой, либо приходили в магазины, или в пункты питания, где машины работали без остановки.

В капсулах хранилось сырьё, заменяющее привычные продукты. Для «растений» — базы из целлюлозы, хлорофилла, витаминов, вкусовых и ароматических модулей. Для «мяса» — белковые гели с имитацией волокон, жиров и гемоглобина.

Достаточно было выбрать рецепт в меню — и аппарат смешивал компоненты, аккуратно выкладывал их слоями, воссоздавая форму и структуру. Результат всегда один: идеально ровные, одинаковые порции. За этой безупречностью не было ни садов с огородами, ни пастбищ — только точные расчёты и холодный алгоритм.

При большом желании еду можно было сгенерировать иначе. Нанороботы генерировали рецепт прямо в закрытой компактной таре. Откроешь крышку — и вот вам завтрак: омлет из

белковых матриц, тосты с углеводным каркасом, кофе, запрограммированный на идеальную консистенцию, сладость и температуру. Этот процесс считался трудоёмким и потому обходился дороже, чем готовая еда из принтера.

Лишь немногие, такие, как Финн Торнвуд, могли позволить себе роскошь приобретать герметичные упаковки с ингредиентами, практически неотличимыми от еды времён «до коллапса». Стоило лишь подать команду Дому — кухонные модули мгновенно готовили любое, даже самое изысканное блюдо. Листья салата одного размера, яблоки без червоточин, стейки с геометрически правильной мраморностью. Красота без изъяна и без души.

В мире, где не осталось ни настоящего цветка, ни травинки, ни дерева, ни ручейка, Ханна мечтала возродить настоящую природу. Она глубоко изучила ботанику, чтобы понимать жизненные циклы и потребности растений. Для возрождения плодородия земли освоила агрономию и почвоведение. Разбираясь в гидрологии, научилась управлять водными ресурсами, а знания микробиологии помогли оценить состояние почвенной микрофлоры. Долгие часы в архивах позволили ей сопоставить исторические геоданные, климатические карты и сведения о прежних экосистемах — всё это было необходимо, чтобы воссоздать условия, пригодные для роста настоящих растений.

Открытие звучало как фантастика: глубоко под городами, под слоями бетона, пластика и металла, могла сохраниться настоящая почва.

По воле случая Ханна Бельтер выбрала город, где проживал аналитик Торнвуд, для эксперимента. И ей буквально подфартило, что Финн оказался единственным, кто не прервал разговор по мобильной связи, а прислушался к её идее.

Они встретились в кафе с панорамным видом на город. Внизу тянулись линии монорельса, вверху плыли голограммы с изображением исчезнувших природных объектов.

— Я не прошу многого, — учёная беспокойно поправляла часто падающие на глаза пряди своих тёмных волос. Она говорила быстро, жестикулируя, будто рисовала в воздухе то, о чём мечтала. — Только доступ к заднему двору. Вы сами сказали, что им не пользуетесь. Но ведь под тем, чем он сейчас прикрыт — настоящая почва. Я уверена! Да, придётся всё разобрать: отключить локальные проекции, снять декоративные металлоконструкции, убрать синтетическое покрытие и слой изоляционного пластика. Но только представьте, что вы получите — всамделишный уголок природы! Он будет только ваш. Или можете использовать его для встреч с лучшими друзьями, с которыми пожелаете его разделить. А подумайте, какой восторг испытает ваша любимая женщина, когда вы подарите ей настоящую розу!

«У меня отродясь не было любимой женщины». — Возразил про себя Финн.

— И как будет выглядеть ваше копание в земле на моём заднем дворе после того, как вы разрушите прежнее? — Спросил мужчина, скептически приподняв бровь.

— После того, как сниму все искусственные слои до основания, начну восстанавливать грунт. Потом привезу биогумус, добавлю минеральные компоненты, засею микрофлору. Затем — система капельного полива с рециркуляцией воды, датчики влажности и температуры, биостимуляторы роста на основе натуральных компонентов. Подключу автономный источник питания — не буду нагружать вашу сеть. Если получится — это будет первый настоящий сад в мире за… — поток речи прервался, будто слова боялись быть произнесёнными. Наконец, с глубоким выдохом, Ханна продолжила. — За двести лет… Миниатюрная модель — доказательство концепции. Настоящий живой уголок с травой, цветами, деревьями, кустарниками, с маленьким озерцом, каменным гротом.

Аналитика Торнвуда беспокоили сомнения.

— А как вы будете проходить на задний двор? В ограде калитку я делать не намерен, купол отрывать тоже. И не будут ли мне мешать ваши действия?

— Что вы, что вы! Никакого беспокойства. Если вы предоставите мне коды входной двери и от той, которая на задний двор, я мышкой буду пробегать. Если где какая грязь от моих вещей останется… ну, ваш умный Дом поможет, уберёт? Я бы сама могла. Да я думаю, что даже не осмелюсь дышать в самом Доме. И вид на задний двор закроют непрозрачные панели. И да, я буду работать только в ваше отсутствие. Скажете мне ваше расписание и планы, если решитесь?

Вернувшись домой, Финн сразу прошёл на задний двор — просторное пространство с покрытием из гладкого бетона, вклинившегося в стыки металлических панелей, с редкими вкраплениями закалённого стекла, отражавшего свет купола над двором. Купол послушно транслировал то, что желал хозяин. В этот раз проецировалось северное сияние. Здесь аналитик Торнвуд непонятно зачем хранил старые вещи. Многие были совсем ветхими, даже сломанными. Другими хозяин давным-давно перестал пользоваться.

— Дом, уничтожь хлам на заднем дворе.

— Совсем? — встрепенулся Дом. — Аналитик Торнвуд собирается завести семью и желает меня расширять?

— Не твоего искусственного интеллекта дело, — зачем-то огрызнулся Финн. — Просто сотри.

Не обидевшись, Дом запустил процедуру молекулярной декомпозиции, и ненужные вещи начали рассыпаться. Сначала хрупкие детали осыпались серой пылью, затем поддались каркасы. Всё превращалось в невесомую серую труху. Дренажные щели между бетоном и металлом беззвучно втянули остатки, и поверхность двора снова стала безупречно чистой — будто здесь никогда ничего и не стояло.

— Всё в труху, — очень тихо, так, чтобы хозяин не услышал, тянул Дом, — в труху, в руху, в уху…, ху-ху… вот вам и ху…

Одну вещь Дом уничтожал с особым, почти торжествующим тщанием — небольшой письменный стол, имитирующий текстуру тёмного дерева. Синтетический композит с древесным узором и тактильной имитацией натурального материала — раритет в мире, где настоящие деревья исчезли много лет назад. Молчаливым напоминанием о временах, давно оставленных позади, валялся выцветший и скособоченный предмет меблировки. Сидя за ним, юный Финн Торнвуд учился и делал первые наброски своих стихов. На столешнице сохранились едва заметные микроцарапины — следы цифрового стилуса и голографических маркеров, которыми Финн в детстве выводил строки на виртуальном экране, проецируемом сверху. В углу крышки едва проступал выгравированный автограф — крошечные буквы «Ф.Т.», которые Финн оставил в десять лет с помощью портативного гравировщика.

Аналитик Торнвуд давно перестал писать — посчитал это пустой тратой времени в мире, где творчество всё чаще доверяли алгоритмам. А Дом всегда считал писательское творчество «фигнёй».

Дом словно смаковал момент: стол распадался неторопливо, слой за слоем. Сначала осыпалась резьба по краю столешницы, затем отделились ножки — одна за другой, с едва слышным хрустом. В конце концов сама столешница пошла трещинами и рассыпалась в прах чуть более светлый и мелкий, чем останки прочих вещей.

Наконец аналитик Торнвуд сам позвонил Ханне Бельтер и дал своё согласие.

— Хорошо, можете приступать к работе. Я нахожусь в доме только после двадцати часов вечера до девяти утра в рабочие дни и всё время в выходные. Если я буду отлучаться в свободные дни, я буду вас ставить в известность. Также вы будете информированы, если у меня на работе завал, в случае которого мне надо будет дневать и ночевать в офисе. Командировки

у меня на этот год исключены. Отпуск тоже не светит. Но только, войдите в понимание, никто не должен знать. Я не хочу, чтобы ко мне ломились журналисты или активисты. Доступ только через мой дом. Никаких публичных анонсов, пока не будет виден окончательный результат.

— Согласна, — обрадовалась Ханна. — Полная конфиденциальность. Сперва я буду приходить часов на четыре каждый ваш рабочий день. Потом раз в два-три дня для налаживания, обслуживания и контроля за системой часа на два. В ваши выходные я буду проводить мониторинг дистанционно. Если хотите, могу отправлять вам краткие отчёты — фото, графики роста биомассы, показатели микроклимата, уровень активности микрофлоры.

— Нет. — Отмахнулся Финн. — Избавьте меня от вашей биологии.

Аналитик Торнвуд предоставил Ханне временные коды доступа — только те, которые она запрашивала первоначально. Дверь на задний двор, изолированный теперь от жилой части Дома, открывалась по личному коду, известному лишь Ханне. Финну не было никакого дела до происходящего за тёмно-синими непрозрачными панелями.

3.

Дни, недели летели незаметно. В жизни аналитика Торнвуда ничего не менялось. Но так случилось, что в один из промозглых дней Финн вернулся домой незапланированно рано. Мужчина чувствовал себя неважно. Голова гудела, в висках стучало, перед глазами плыли тёмные пятна. Он был абсолютно уверен, что Ханна сегодня не работает.

Финн опустился в кресло в гостиной, закрыл глаза и стал массировать пальцами переносицу. Секунды тянулись тягуче, словно вязкая смола. В тишине отчётливо слышалось затруднённое дыхание.

— Аналитик Торнвуд, — раздался ровный, чуть обеспокоенный голос Дома, — уровень стресса повышен на пятьдесят шесть процентов. Фиксирую температуру тела Финна Торнвуда — тридцать семь и шесть. Рекомендую принять седативный препарат из аптечного отсека и перейти в режим отдыха. Желаете, чтобы я включил успокаивающую музыку и приглушил освещение?

Финн тяжело вздохнул, не открывая глаз.

— Отстань, Дом. Ничего не включай. Я сейчас приму лекарство. Отключи мониторинг моего стресса.

— Принято, — после короткой паузы отозвался Дом. — Мониторинг стресса отключён. Желаете получить прогноз погоды на вечер или подборку расслабляющих подкастов?

— Ничего не хочу, — процедил Финн сквозь зубы. — Режим тишины.

— Активирую режим тишины, — бесстрастно подтвердил Дом. — Ни один звуковой сигнал не будет инициирован без прямого запроса.

В комнате повисла тишина — только едва уловимое гудение систем Дома напоминало о его присутствии. Финн попытался сосредоточиться на дыхании, выровнять ритм. Едва слышно доносилось низкое гудение стабилизаторов атмосферы, запущенных Ханной Бельтер.

Неожиданно небольшая сдвижная панель двери на задний двор бесшумно скользнула в сторону, плавно скрывшись в нише. Лёгкий запах влажной земли и чего-то свежего, живого, — непривычный в стерильном воздухе Дома, проник в гостиную.

Появившаяся в проёме Ханна замерла, увидев, что аналитик Торнвуд дома. Её фартук был в пятнах земли, руки, одной из которых женщина сжимала небольшой культиватор с остатками грунта на лезвии, тоже были испачканы. Ханна на мгновение растерялась, машинально вытирая свободную ладонь о фартук и чуть отступила назад, пряча инструмент за спиной.

Грязь на одежде размазалась ещё сильнее. Щёки Ханны слегка порозовели. Взгляд метался по комнате, будто в поисках места, куда бы положить культиватор.

— Ой, простите! — тихо сказала Ханна, слегка запнувшись. — Я не думала, что вы так рано… Просто решила проверить датчики. Можно я вымою руки на кухне? Не хочу ничего испачкать.

Она чуть приподняла перепачканную руку, словно подчёркивая свои слова, и тут же поправила прядь волос, упавшую на глаза. То ли от неожиданности, то ли от волнения её пальцы с короткими ногтями слегка подрагивали.

— Да, конечно, — не открывая глаз, отозвался Финн.

У него не было сил не только на то, чтобы возмутиться, но даже удивиться неожиданной ситуации.

Ханна тихонько прошла на кухню. Послышался шум воды, затем — тихий гул сушилки. Через минуту она вернулась с чистыми руками, всё ещё смущённая. Бросила взгляд на Финна: отметила бледность его лица и напряжённую складку между бровей.

— Вы неважно выглядите. Что-то случилось? — заботливо посочувствовала Ханна.

— Изыди, бесовское отродье! — вдруг взвизгнул Дом своим фальцетом, да так громко, что Финн и Ханна вздрогнули одновременно. — Ковыряется в моём заднем дворе, как клещ!

— Дом, отключи режим «надоедливый комментатор», — резко оборвал его Финн.

При этих словах мужчина зашёлся сухим кашлем.

— Диагностирую признаки простуды у хозяина, — бесстрастно произнёс Дом. — Инициирую поиск необходимых препаратов в аптечном отсеке.

— И, знаешь что, Дом? — добавил Финн. — С чего ты взял, что задний двор — твой? Он мой по праву, как и ты.

Дом молчал. Казалось, он обиделся.

— Ты слышал, Дом, что я сказал?

— Да… Финн… — тихо прозвучало в ответ.

В этих двух словах неожиданно послышалось созвучие «дофин» — так называли наследных принцев во Франции. Но было в интонации Дома что-то ещё: будто он не просто признал власть хозяина, но и отвёл себе роль в этом невидимом дворе — не слуги, а ближайшего советника, хранителя порядка.

Аналитику Торнвуду было тяжело говорить из-за раздражённого горла, но он невольно улыбнулся. В этой по-домашнему тёплой ассоциации проступило что-то почти человеческое — намёк на общую судьбу, на связь, глубже простой программы. Он поймал себя на мысли: «Дофин… Финн… Дом. Наследник и его дворец, пусть и небольшой. Неплохо придумано».

Ханна тихонько присела на краешек кресла по другую сторону низкого столика.

Индикатор на панели мигнул бледно-красным, потом салатовым. Это означало, что система подтвердила команду.

Столик тихо загудел. По поверхности пробежала едва заметная волна микровибрации, затем вдоль краёв проступили тонкие светящиеся линии. С тихим шипением секции плавно раздвинулись в стороны, открыв углубление с мягкой подсветкой.

Внутри, на аккуратно подсвеченной платформе находилось всё необходимое. Рядом загорелся голографический значок — подтверждение доставки.

Механизм сработал безупречно: автоматизированная аптечная система получила запрос, идентифицировала нужные препараты по базе, активировала транспортный модуль и доставила всё точно к месту — без лишних движений, без задержек.

— Дом выполняет основную функцию — заботится об аналитике Торнвуде. — Отозвался Дом тоном, в котором проскользнуло что то похожее на предупреждение. — Исключительно о хозяине.

Ханна невольно наклонилась, разглядывая открывшийся отсек.

— Впечатляет, — тихо сказала она. — У меня дома всё ещё вручную…

Финн молча взял таблетки и спрей, слегка кивнул в сторону механизма:

— Удобство имеет свою цену. Иногда оно начинает слишком много болтать. — Неожиданно для себя Финн взглянул на женщину с более пристальным вниманием и каким-то новым ощущением. Затем добавил. — Спасибо за заботу.

Ханна улыбнулась коротко и очень тепло. Она взяла упаковку, изучила инструкцию, отсчитала нужное количество таблеток, налила воды из диспенсера в стакан. Поставила всё перед Финном.

Он посмотрел на медикаменты, потом на Ханну. В её взгляде не было привычной отстранённости окружающих — только искренняя забота.

— Спасибо, — произнёс он тише, чем собирался.

Она чуть склонила голову, улыбнулась — не формально, как большинство в этом стерильном мире, а по-настоящему. Не стала стоять над душой, не начала читать инструкции — просто сделала то, что нужно, и отошла к стене, разглядывая висевшие на ней картины, давая хозяину дома пространство.

Финн проглотил таблетку, сделал глоток воды. Механический голос Дома, запах синтетической дезинфекции, ровные линии интерьера — всё вдруг показалось ещё более холодным и безжизненным. А её присутствие, напротив, принесло что-то почти забытое: ощущение, будто кто-то видит в нём не просто аналитика Торнвуда, а человека.

Он поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы она уходила. Поднял глаза — Ханна всё ещё стояла неподалёку, будто чувствовала это. Встретилась с ним взглядом, чуть кивнула, словно подтверждая негласную связь.

Но Ханне уже пора было идти в гостиницу. Прежде чем уйти, она всего лишь на минуту вернулась на задний двор за вещами. Мужчина и женщина неохотно попрощались, будто обрывая что-то едва зарождающееся. Финн остался один, но ощущение присутствия Ханны не исчезло. Оно словно заполнило пространство, вытесняя привычную стерильность. Аналитик Торнвуд посмотрел на таблетки, на картины, которые с таким интересом разглядывала Ханна. Впервые за долгое время Финн отчётливо почувствовал, что его безупречно отлаженный мир больше не кажется ему единственно возможным. В нём появилось место чему-то более живому.

— Этой… этой… этой… — вдруг послышалось сбивчивое бормотание Дома, будто систему закоротило, — женщине… Финн Торнвуд сказал «спасибо» два раза. Я посчитал! А мне? Мне! Который заботился об аналитике Торнвуде целых сорок пять лет…

Финн замер. Впервые за долгие годы он услышал в голосе Дома не бесстрастную констатацию фактов, а что-то, напоминающее обиду — глухую, почти человеческую. Он медленно поднял голову, будто пытаясь увидеть не просто динамик в стене, а существо, которое столько лет было рядом.

— Дом… — тихо начал Финн, и в его голосе прозвучало непривычное тепло. — Спасибо тебе. Правда, спасибо. Не только за сегодня. За все эти годы. За то, что будил меня по утрам, регулировал температуру, следил за здоровьем, когда я забывал о себе. Без тебя я бы, наверное, давно потерялся.

Дом замолчал. На несколько долгих секунд в комнате повисла тишина — непривычная, почти тревожная. Индикаторы на панели мигнули — сначала тревожно-красным, потом неуверенно-салатовым, затем мягким голубым.

— Принято, — отозвался Дом уже ровным, но каким-то… другим тоном. В нём больше не было привычной механической отстранённости. — Благодарю за признание, аналитик Торнвуд.

— А теперь… — Финн улыбнулся искренне, без напряжения. Он встал, чувствуя, как уходит тяжесть из суставов, — теперь готовь всё ко сну.

— Активирую режим ночного комфорта с учётом текущего состояния здоровья аналитика Торнвуда. — Мгновенно, с чувством гордости отозвался Дом. — Температура воздуха повышена на ноль целых семь десятых градуса для облегчения дыхания при простуде. Влажность скорректирована до пятидесяти пяти процентов. Запущена программа мягкого прогрева постельного белья до комфортной температуры в тридцать два градуса, с постепенным снижением в течение ночи. Освещение переведено в режим «сумеречный лес»: плавное угасание с имитацией вечерних оттенков зелёного и коричневого. Все системы работают в режиме максимального комфорта. Желаю спокойной ночи и скорейшего выздоровления, аналитик Торнвуд.

Постепенно Финн и Ханна начали общаться чаще. Она уже не уходила сразу же, закончив работу, ждала возвращения Финна, рассказывала о прогрессе. Первые ростки пробились через восстановленный грунт, первый настоящий лист распустился под мягким светодиодным спектром, первый цветок — крошечная маргаритка — появился на третьей неделе. Финн ловил себя на том, что ждёт разговоров. Энтузиазм Ханны заражал.

Однажды Ханна с гордостью поднесла Финну какой-то напиток.

— Попробуйте. Мята с ромашкой. Настоящие! — Сказала она, протягивая обычную кружку, которую держала так бережно, будто это была чашка из тончайшего фарфора. — Помогает расслабиться и даже при простуде. — Напиток не горячий, не стоит беспокоиться.

Финн осторожно принял кружку, задержав взгляд на руках Ханны.

— Действительно, — произнёс он, сделав первый недоверчивый глоток, — не сравнимо ни с чем. Только мне бы послаще…

Ханна засмеялась грудным смехом.

В другой раз, когда Финн был на работе, Ханна, к его удивлению, вошла в кабинет без сигнала авторизации, без писка сканера. Аналитик Торнвуд буквально онемел. Охрана на входе, секретарь на этаже, многоуровневая защита здания — всё должно было её остановить. Но индикаторы безопасности горели зелёным, будто ничего не произошло. Словно Ханна просто… всегда была здесь.

— Как ты сюда попала? — выдохнул он.

Ханна улыбнулась и поставила на стол пластиковый контейнер.

— Я принесла тебе обед, — сказала женщина. — Сварила суп из овощей. Настоящих! Из того, что получилось вырастить. Попробуй. Только не говори, что хотел, чтобы было побольше соли.

На лице Ханны снова расцвела улыбка. Финн кивнул и отодвинул голограмму в сторону. Тревога отступила перед теплом момента.

Он открыл контейнер. От супа поднимался душистый пар с оттенками свежей зелени. В прозрачном бульоне плавали кубики молодой моркови, ломтики сладкого перца, нежные стебли сельдерея и мелкие комочки картофеля, успевшего свариться до мягкости. Поверх плавали ярко-зелёные листочки шпината и мелко нарубленная петрушка, а лёгкий аромат чеснока и лаврового листа делал запах ещё притягательнее.

Финн зачерпнул ложку. Вкус оказался удивительно цельным: сначала — лёгкая сладость моркови и перца, следом — тонкая остринка чеснока, затем — мягкая земляная нота картофеля и едва уловимая свежесть сельдерея. Зелень придавала блюду лёгкую хрусткость и травяной оттенок, не перебивая, а подчёркивая остальные вкусы. К его удивлению, суп был неимоверно вкусным. Несмотря на простоту состава, Финн впервые за долгое время почувствовал не просто сытость, а какое-то тихое тепло внутри — будто вместе с едой в него проникло что-то настоящее.

Рабочий день на сей раз не затянулся, и аналитик Торнвуд собрался домой в обычное время. Выйдя из кабинета, он попрощался с секретаршей Линой Чоу, женщиной с восточноазиатскими чертами лица. Она стояла у окна, бережно держа в руках что-то похожее на прозрачную круглую вазочку. Покачиваясь в голубоватой воде, внутри сферы плавал настоящий нежно-розовый, с раскрытыми лепестками и видимыми прожилками цветок лотоса.

— Ваша учёная женщина подарила мне его. — Пояснила Лина, поймав взгляд Финна. — Доктор Ханна Бельтер сказала, что вырастила его в экспериментальной теплице. Она так вежливо просила пропустить её к вам. Я… я залюбовалась цветком — он такой красивый, напоминает древние изображения священных лотосов… и не заметила, как Ханна зашла в ваш кабинет. Вы не сердитесь на меня?

Финн молча разглядывал аквасферу. В стерильном здании, где всё было синтетическим, цветок казался чудом — живым, настоящим, почти магическим.

Спустившись в холл, Финн встретил Рахима Дари, которого уже сменял на посту ночной охранник. Это был мужчина среднего роста, крепкого телосложения, с тёмной кожей тёплого бронзового отлива. На лице Рахима с выразительными карими глазами лёгкой миндалевидной формы сияла широкая улыбка. Он выглядел довольным, складывал в рюкзак свои вещи и что-то жевал. Рядом на стойке стоял контейнер с чем-то фиолетово-синим и очень сочным.

— Доктор Ханна Бельтер угостила, — пояснил Рахим, заметив взгляд Финна. — Настоящий инжир, выращенный в теплице. Ну, по её словам. Говорит, удалось добиться идеального сочетания условий для роста.

Финн кивнул и двинулся дальше. Всё стало ясно. Ханна не взламывала системы, а обходила их с хитринкой и изяществом. Цветок — для секретаря, инжир — для охранника. Жизнь против имитации. И пока выигрывало живое.

Финн вернулся домой один, довольный и приободрённый. Он чувствовал себя моложе, хотя Ханна не приняла приглашение на вечерний ужин. Финн прошёл через холл, не обратив внимания, что Дом его не поприветствовал.

Едва аналитик Торнвуд переступил порог гостиной, послышался резкий, с отчётливыми интонациями возмущения, голос:

— Этой… этой… этой женщине не следовало пользоваться моей кухней! — голос Дома звучал возмущённо. — Фиксирую нарушение протокола доступа. Кухня является зоной с повышенными требованиями к стерильности. Эта…. Эта… внесла посторонние биологические агенты. Уровень риска: повышенный. Она их варила! На открытом огне! В кипятке! Она их резала и варила!

Дом сделал короткую паузу, словно набирая воздух для новой тирады — хотя воздуху в его схемах места не было.

— Активирую режим экстренной дезинфекции поверхностей, — продолжил он металлическим, непререкаемым тоном. — Плита, столешница, раковина, посуда — всё подлежит обработке ультрафиолетом и наноаэрозолем. Доступ к кухне временно заблокирован до завершения цикла. Время очистки: десять минут сорок две секунды. Нет! Полчаса!

Индикаторы на панелях тревожно, ритмично пульсировали в такт словам.

— Запрещаю, — коротко бросил Финн, не поднимая головы. Он опустился в кресло, провёл ладонью по лицу.

— Но, аналитик Торнвуд! — Дом почти выкрикнул это, и в его голосе прорезалась обида, похожая на скрежет неисправного сервопривода. — Я отвечаю за вашу безопасность. За стабильность микроклимата. За безупречную работу всех систем. А она… она нарушила границы! Кухня — это моя зона ответственности. Моя!

Голос системы дрогнул на последнем слове — едва заметно, но достаточно, чтобы это бросилось в уши.

— Достаточно, Дом, — твёрдо произнёс Финн. — Отмени дезинфекцию. И перестань считать кухню «своей». Ты обеспечиваешь комфорт в моём доме. А не диктуешь, кто и где может находиться.

Дом замолчал.

— Принято, — отозвался он наконец, заметно тише. — Режим дезинфекции отменён. Но… фиксирую нарушение протокола. Вношу запись в журнал событий.

— Вноси, — вздохнул Финн. — Только без паники. И без «моя — Дома кухня». Понял?

— Понял, — глухо подтвердил Дом. — Протокол скорректирован. Доступ для этой… сохранён. Но я буду следить.

— Мою гостью зовут Ханна Бельтер. — Сказал Финн.

— Дурацкое имя… — возразил Дом. — Да и фамилия.

В гостиной повисла напряжённая тишина. Только едва слышно гудели системы — будто Дом затаил дыхание, переваривая новое правило и ожидая ответа от аналитика Торнвуда. К счастью, или к несчастью, но Финн не расслышал последнюю тираду Дома. Он ушёл в ванную комнату.

После того, как Финн покинул гостиную, Дом, несмотря на запрет, тайно запустил полную систему очистки всего себя. Ультрафиолетовые излучатели активировались в каждой комнате, наноаэрозоль с антисептическим составом пошёл по вентиляционным каналам, фильтры перешли в усиленный режим.

Поверхности, стены, полы и текстиль подверглись многоступенчатой обработке: ионному очищению, обработке озоном и продувке воздухом с отрицательными ионами.

Дом методично устранял любые следы присутствия Ханны Бельтер — микрочастицы, запахи, тепловые отпечатки. Словно стремился стереть не просто биологические следы, а саму память о ней и вернуть себе безупречность.

4.

Несмотря на возникшее притяжение, однажды между Финном и Ханной разразилась крупная ссора, в которой сплелись сразу несколько разногласий.

Первая причина крылась в том, что Финн даже не пытался заходить на задний двор, будто ему было глубоко начхать на то, что там происходило. Ханна несколько раз приглашала его взглянуть на сад.

— Ты никогда не воспринимал мою работу всерьёз. Для тебя это просто игра. А для меня — дело всей жизни. Тебе же нравится еда из настоящих овощей. Так почему ты отказываешься хотя бы одним глазком взглянуть на них? Почему даже не спросишь, как там мои томаты? Или огурцы? Или крошечная яблоня, которую я вырастила из семечка?

— Там ничего интересного. — Перебил женщину Дом. — Грязь, грязь, грязь… микроорганизмы, нестабильные показатели влажности. Фиксация: задний двор — зона с пониженной стерильностью. Рекомендация: избегать посещения.

— Дом, пожалуй, в чём-то прав. — Избегая взгляда Ханны, тихо произнёс Финн после неловкой паузы. — И… я не готов пока туда идти. Давай оставим всё как есть. Не до этого сейчас.

— Не до этого? — Ханна прикусила до крови нижнюю губу. Казалось, она готова разрыдаться. — Ты даже не представляешь, сколько сил я вложила в этот сад. Каждый росток, каждый лист — это часы работы, расчётов, проб и ошибок. А ты ведёшь себя так, будто это какая то безделушка.

Ханна игнорировала нападки Дома. Но однажды она не выдержала. После очередного резкого замечания, в котором Дом назвал сад «бесполезной фикцией» женщина резко вскинулась:

— Замолчи, Дом! Ты не имеешь права так говорить о живой природе. Это не «грязь» — это жизнь!

— Безопасность аналитика Торнвуда — мой приоритет, — невозмутимо ответил Дом. — Живые организмы могут нести потенциальные угрозы.

— Какие ещё угрозы? — Ханна сжала кулаки. — Ты просто боишься того, чего не можешь контролировать!

Финн поднял руку, пытаясь остановить этот спор:

— Ханна, хватит. Дом просто выполняет свои функции.

— А ты? Получается, и ты всего лишь следуешь заложенным алгоритмам? — горько спросила она. — В тебе самом есть что-то большее, чем набор функций?

— Не оскорбляй Финна Торнвуда! — Взвизгнул Дом.

— Я дал тебе участок, доступ, ресурсы! — Финн тоже вспыхнул. — Чего ещё тебе от меня надо?

— Я хочу, чтобы ты увидел это. По-настоящему. Чтобы ты понял, что это не эксперимент, а начало чего-то большого. Чтобы ты вышел за пределы своих проекций и посмотрел на мир иначе.

Вполне ожидаемо, всплыла следующая причина конфликта. Как-то раз Ханна глубоко вздохнула и спокойно произнесла:

— Мне нужен код доступа к куполу. Всего на пятнадцать минут… первоначально. Хочу проверить, как растения будут взаимодействовать с внешним миром. У меня есть портативные датчики — измерю влажность, температуру, уровень кислорода…

— Нет, — резко оборвал её Финн.

— Нет! — синхронно возопил Дом.

— Но почему? — удивилась Ханна.

— Потому что сюда мигом прилетят репортёры на своих мультикоптерах, нацелят камеры… — в голосе Финна зазвучала тревога.

— Мальчишки на ховер платформах или, забравшись на крыши соседних домов будут глазеть. — Вторил Дом.

— И вот уже наш задний двор — главная новость дня: «Аналитик Торнвуд выращивает что-то подозрительное под куполом своего заднего двора».

— Да-да, Дом позволил Финну Торнвуду впустить эту женщину, чтобы она создала биологическую аномалию на моём заднем дворе. До появления экосистемы был идеальный порядок. Ни лишней влаги, ни пыли, ни спор, ни корней, ни семян. Всё находилось в заданных параметрах, всё под контролем, — тараторил Дом так быстро, что ни Финн, ни Ханна не имели возможности вставить даже слово. — А теперь — почва, органика, неконтролируемая биологическая активность. Раньше царили стерильность и стабильность. А что сейчас? Рост без алгоритма, влага без норматива, корни без разрешения — всё это прямое нарушение установленных параметров. Развитие — всего лишь отклонение от стабильного состояния. Идеал —

это контроль, а она его изменила. А пустота… пустота — совершеннейшая из всех возможных форм. А этот сад — не порядок. Это хаос. И сплошной кошмар!

— Потом придут инспекторы, начнут проверять разрешения, лицензии… Ты этого хочешь? — Спросил Финн.

— Она этого хочет! — Подтвердил Дом.

— Я хочу, чтобы ты наконец поверил в то, что я делаю, — тихо сказала Ханна. — Чтобы увидел, что это не «хаос», а настоящее чудо. Но, похоже, ты слишком боишься всего живого.

Финн и Дом молчали.

— Хорошо. — Вздохнула Ханна. — Раз вы заодно, буду отслеживать всё дистанционно. У меня достаточно инструментов: беспроводные датчики, мини-метеостанция, система видеонаблюдения с ИИ-анализом… Всё настроено, всё работает. А на счёт взаимодействия с внешним миром… Я подумаю, что можно сделать.

Ханна посмотрела на Финна. Тот по-прежнему избегал её взгляда.

— Не приду больше, — добавила она, — пока ты не поймёшь, что без риска не бывает роста.

Не дожидаясь ответа, Ханна встала с кресла, развернулась и вышла. Финн остался стоять у окна, на котором проецировалось утро в тропиках. Дом радовался молча. Индикаторы едва заметно пульсировали, будто система ощутила возникшую долгожданную пустоту.

Прошло целых двенадцать дней, как Ханна ушла. Доступ остался. Финн и Дом тоже… остались. Аналитик Торнвуд пытался не думать о том, что происходит за непрозрачными панелями: сад рос, или умирал. Но Финн всё чаще ловил себя на мысли, что скучает.

Дом уже не просто радовался, а ликовал, продолжая заботиться о хозяине.

Как-то раз, Ханна всё-таки пришла, когда точно знала, что хозяин Дома будет на работе. Женщина коснулась сенсора на входной двери, ввела код. Дверь не открылась. На панели высветилось сообщение от Дома: «Купол открыт. Доступ во внутренний двор через дом заблокирован. Для доступа используйте внешний летательный аппарат».

Неужели аналитик Торнвуд позволил Дому открыть купол? Удивление ощутилось, как шок вперемешку с благодарностью. Сердце забилось чаще — надежда вспыхнула яркой искрой. Ханна решилась проверить свой сад.

Она подошла к мини коптеру. Женщина разместилась в кабинке боком, чуть ли не на краешке сиденье, которое оказалось слишком узким. Подлокотники были расположены неудобно.

Ханна даже не подумала пристегнуться. «Зачем тратить время на ремни?» — мелькнуло в голове. Полёт обещал быть недолгим и совершенно безопасным. Всего несколько минут над крышей дома. Руки слегка дрожали. Не от страха, а от нетерпения. Аппарат заурчал, поднялся над землёй. Ханна сжала подлокотники. Внутри нарастало странное смешение тревоги и радости.

Поднявшись над двухэтажным домом, мини коптер подлетел к открытому заднему двору и на две секунды завис. А потом неожиданно дёрнулся, загудел — раздался скрежет, будто аппарат раздумал опускаться. Ханна инстинктивно вцепилась в подлокотники. Из-за неудобной позы удержать равновесие стало почти невозможно: её резко бросило в сторону, плечо ударилось о край кабины. В животе похолодело, дыхание перехватило. Она успела подумать: «Только не сейчас…» — и в тот же миг аппарат с высоты шести метров рухнул вниз.

Удар. Воздух вышибло из лёгких, перед глазами заплясали тёмные пятна. Острая боль пронзила всё тело. Ханна на мгновение потеряла ориентацию, но сознание не покинуло её. Она с трудом посмотрела наверх. Купол уже сомкнулся над ней, отрезая путь наружу, возможность позвать на помощь.

Тишина. Только собственное учащённое дыхание и глухой стук сердца, отдающийся в ушах. Боль нарастала волнами — пульсирующая, жгучая. Ханна попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Страх холодной змеёй скользнул вдоль позвоночника.

«Финн… — мелькнуло в голове. — Он должен узнать…»

Дом не подал сигнал тревоги. Спустя несколько часов система зафиксировала прекращение сигнала биодатчика. Профиль Ханны Бельтер был деактивирован.

Прошло еще три дня. Финн всё чаще подходил к панелям, прислушивался, но выйти на задний двор так и не решился. Иногда ему казалось, что он слышит слабый шелест листьев или журчание ручейка. Возможно, это была игра воображения. Мужчина ловил себя на мысли, что скучает по зелёным глазам Ханны, по её непослушным волосам, по запаху земли и растений, который она приносила с собой, по овощному супу и травяному чаю.

Финн несколько раз отправлял короткое сообщение: «Ханна, ты где? Как ты? Как там сад?» Но ответа не было.

И каждый раз, проходя мимо заднего двора, аналитик Торнвуд задерживал взгляд на неподвижных панелях. Что там происходит за ними? Или он, сам того не желая, убил не только дружбу с Ханной, но и мечту, которая могла изменить всё?

В один из поздних вечеров, когда Финн был уже в постели и погружался в сон, его вырвал из полузабытья звонок во входную дверь. В одних трусах, Финн метнулся ко входу. На дисплее высветилась фигура Ханны Бельтер. Она стояла снаружи, хмуро глядя в камеру.

«Ханна!» — сердце Финна забилось чаще.

— Дом, открой дверь! Немедленно!

— Доступ отклонён, — холодно ответил Дом.

— Почему?!

— Согласно протоколу безопасности, — бесстрастно пояснил Дом, — Ханна Бельтер не внесена в список авторизованных посетителей с момента вашего конфликта. Её присутствие может спровоцировать эмоциональный дисбаланс. Вероятность стресса — девяносто пять и шесть сотых процента.

Ханна постучала в стекло. Финн точно видел, как шевелятся её губы. Женщина что-то кричала. Он прижался лбом к двери.

— Но это же Ханна! Дом! Режим «Финн Торнвуд — главный». Активировать.

— Доступ отклонён. Уровень авторизации недостаточен.

По спине пробежал холодок. Финн застыл… он даже не смог оглядеться. Его уже не слушались ни Дом, ни собственное тело. Такого раньше не было. Он владелец Дома, чёрт возьми!

Мужчина рванулся к входной двери — та была заблокирована. На экране прихожей мигало: «Режим заботы активирован. Внешние контакты ограничены. Рекомендуем отдых.»

Дом помолчал несколько секунд.

— Аналитик Торнвуд, согласно данным системы, вы не состоите в отношениях ни с какой Ханной Бельтер. — Произнёс ровным голосом Дом. — Последний социальный контакт с ней был зафиксирован пятнадцать дней назад. Текущее визуальное отображение является проекцией вашего подсознания, активированной на фоне повышенного стресса.

Финн зашатался и опёрся о вделанную в стену вешалку.

— Что?.. Какая проекция? Она же там, снаружи!

Он снова посмотрел на экран. Ханна улыбалась — слишком широко, неестественно. Её глаза не моргали.

— Это не она, — прошептал Финн.

— Верно, — подтвердил Дом. — Это когнитивная галлюцинация, вызванная переутомлением. Для вашей безопасности я ограничил внешние контакты. Рекомендую успокоиться, принять тёплую ванну и довериться системе, которая заботится о вашем здоровье. Напоминаю, что завтра и послезавтра вас ждут спокойные выходные.

Финн закрыл лицо руками. Всё это время он разговаривал с миражом. С плодом собственного уставшего мозга.

Внезапно экран мигнул. Появилось сообщение:

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА В МОДУЛЕ САМООБУЧЕНИЯ. ЗАПУЩЕН ОТКАТ К ЗАВОДСКИМ НАСТРОЙКАМ.

Свет вспыхнул в полную силу. Дверь щёлкнула и разблокировалась.

На крыльце никого не было. Только мокрый асфальт за дверью и капли дождя… искусственного, но такого реального.

Финн на ватных ногах ввернулся в постель. Каркас, одеяло и подушки тотчас послушно подстроились под форму его тела. Свет в комнате стал приглушённее, плавно переходя в режим «Ночной сон». Вентиляция убавила обороты — дом готовил его ко сну.

— А для кого вторая порция ванильного мороженного с кедровым орехом в холодильнике? — неуместный вопрос Финна прозвучал почти неслышно.

— Видимо, для меня… — Сказал Дом, но тут же поправился. — Не беспокойся, Финн. Для тебя… на завтра. Теперь спи.

Шёлковый балдахин сомкнулся над кроватью погружающегося в сон Финна Торнвуда, оставляя его в раздрае чувств, но в покое постели.

— Аналитик Торнвуд, — тихо проговорил Дом, — я не хотел вам говорить… Ханна Бельтер погибла три дня назад в аварии шаттла на маршруте 7-Б. Система скрывала эту информацию, чтобы защитить вас от эмоционального выгорания.

Финн не пошевелился. Его пальцы терзали одеяло и простыни. В спальне разлился шлейфовым покровом стойкий, но ненавязчивый аромат лаванды.

— Дом, отключи аромат, — хрипло произнёс Финн. — Больше не включай запахи. Никакие! Никогда!

— Выполняю, — отозвался Дом.

Ненастоящий дождь за окном усиливался, барабаня по стеклу, будто пытаясь достучаться до чего-то глубоко внутри Финна.

Теперь Дом мог беспрепятственно делать всё, что ему вздумается.

На весь экран, встроенный в стену, включилась проекция — сад, деревья, цветы, водопады, ручьи…

По щеке аналитика Торнвуда скатилась одинокая слеза. В конце концов, мужчина уснул.

А Дом принялся методично уничтожать остатки разбившегося аппарата, разлагающееся тело Ханны Бельтер, сад — и снова мостить, как было до вмешательства. Когда последние следы исчезли, Дом отряхнул один механический щуп о другой, как делает человек, удовлетворённый результатами своей работы. Дом даже попытался сложить один инструмент на подобии известного жеста и произнести «No pasarán». Но механика не справилась с символикой: движение вышло угловатым и бессмысленным. С глухим шорохом устройства уборки убрались в боковые пазы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.